

- Кх-кх... Кх-кх-кх-кх!

Цзи Хунцай кашлял так, будто его лёгкие вот-вот разорвутся. Ладонь, которую она протянул к Инь Байтао, была в кровавых пятнах. Остальные путешественники вздрогнули от её испуганного крика, некоторые инстинктивно отступили назад. Однако, увидев, как Цзян Хунгуан и остальные без раздумий бросились к Цзи Хунцаю, те, кто отпрянул, почувствовали неловкость и тоже сделали шаг вперёд.

- Все назад, кроме Инь Байтао и Цзян Хунгуана, - холодно скомандовал Вэй Сюнь, и его голос сразу придал толпе уверенности.

Люди послушались, и в палатке остались только четверо: Вэй Сюнь, Инь Байтао, Цзян Хунгуан и сам Цзи Хунцай. Тот теперь кашлял так сильно, что у него начались судороги, дыхание стало хриплым, глаза вылезли из орбит, губы посинели, а взгляд будто застыл на одной точке в пустоте.

- Вэй, у Хунцай горная болезнь, ему не хватает кислорода! - Цзян Хунгуан, обычно невозмутимый, теперь говорил с явной тревогой.

Но не успел она договорить, как Цзи Хунцай резко вдохнул. Дыхание оставалось учащённым, но уже не таким страшным, как раньше. Цзян Хунгуан замер, увидев, как в палатку прокрался хорёк Вэй Сюня с гидовой брошью в зубах.

Вэй заранее предвидел, что Хунцаю может стать хуже из-за нехватки кислорода!

Сердце Цзян Хунгуана успокоилось, тревога поутихла. Под действием «родиолы» с броши дышать в палатке стало легче. Однако Цзи Хунцай всё ещё был в критическом состоянии.

- Похоже, у него в горле застрял шип, - сказала Инь Байтао, подойдя с аптечкой.

Она передала Вэй Сюню и Цзян Хунгуану маски, а сама прикрыла рот и нос шарфом, прежде чем осмотреть больного.

Клиническая психология, в отличие от других ветвей психологии, сочетает в себе медицину и прикладную психологию. Только те, кто её изучал, считаются имеющими медицинскую подготовку и могут ставить диагнозы и выписывать лекарства. Обычные психологи, без клинической базы, могут лишь конасультировать, но не лечить.

В их группе лишь Вэй Сюнь и Инь Байтао имели минимальное медицинское образование. Конаечно, их знаний было недостаточно, чтобы сравниться с настоящими врачами, но для экстренных случаев хватало. Вот только состояние Цзи Хунцай выглядело куда серьёзнее, чем просто застрявший в горле шип.

Он уже не мог говорить, всё тело было обжигающе горячим, время от времени его сотрясали судороги. Глаза стали выпученными, а белки покрылись чёрными прожилками, будто при какой-то офтальмологической болезни.

При обычной усталости или глазных заболеваниях вены обычно красные или синеватые, но никогда - чёрные, как у Цзи Хунцай.

Вэй Сюнь приподнял его веки и увидел, что онаи тоже в чёрных прожилках, причём верхние гуще нижних. В «треугольнике смерти» на носу тоже проступали чёрные нити.

- Что вы обнаружили в руинах? - спросил она, вливая в рот Цзи Хунцаю полбутылки универсального противоядия, захваченного у Дин И.

Жар сразу спал, но чёрные прожилки лишь побледнели, не исчезнув полностью.

Значит, она отравилась. Противоядие поможет лишь временно. Нужно найти и устранить источник.

Инь Байтао попыталась разжать ему челюсти, но мужчина плотно стиснул зубы, и её сил не хватало.

Пришлось вмешаться Вэй Сюню. Никто даже не понял, как она это сделала, но в следующий момент челюсть Цзи Хунцаю оказалась вывихнута.

Из рта хлынул зловонный воздух, от которого Вэй Сюнь едва не вправил челюсть обратно. Инь Байтао побледнела, но не отступила - её медподготовка взяла верх. Освещая горло фонариком, она попыталась разглядеть, нет ли там инородного тела.

Но изо рта Цзи Хунцаю хлестала гнойно-кровавая слюна, от которой исходил невыносимый смрад. Инь Байтао распаковала ватные шарики, но ими было невозможно удалить всю жидкость. К тому же на вате оставались мельчайшие чёрные волоски, которые при ближайшем рассмотрении вызвали мурашки.

Руки Цзян Хунгуана дрожали, но голос она держала твёрдым:

- Руины находились к западу от вашей разметки, это была пещера около пяти-шести метров глубиной, образовавшаяся после обвала скалы. Там были только настенные изображения и фрагменты керамики. Больше ничего.

- Позовите Цинь Синьжун, - приказал Вэй Сюнь.

Цзи Хунцаю, Цинь Синьжун и Фэй Лэчжи были в одной группе, и если что-то случилось в пещере, она знала больше, чем сам больной.

Цинь Синьжун ждал снаружи. Вэй Сюнь не пустил его в палатку, и она говорила через полог.

- Мы с Цзи Хунцаем шли впереди, Фэй Лэчжи замыкал. Мы не разделялись и вместе обнаружили пещеру, - объяснил Цинь Синьжун. - Она была неглубокая, мы быстро добрались до конца. Там были наскальные рисунки и осколки кувшинов, больше ничего. Прогресс исследования у меня и Цзи Хунцаю был 35%, а у Фэй Лэчжи - всего 5%.

Тогда Цзи Хунцаю решил помочь ему и стал осматривать пещеру, стуча лопатой по стенам в поисках тайного хода. Он заметил, что камни в конце пещеры, скорее всего, обвалились при землетрясении, а за ними мог быть проход.

Цинь Синьжун рассказал, как Цзи Хунцаю отбил несколько камней, предположив, что дальше есть путь, после чего она решила вернуться и доложить Вэй Сюню.

Перед уходом с потолка на Цзи Хунцаю сползла чёрная мохнатая личинка, свисая на паутинке. Он заметил её и ударил лопатой.

Цинь Синьжун, опасаясь, что в пещере могут быть ещё насекомые, положил раздавленную

личинку в герметичный пакет, чтобы изучить позже.

- Насекомое его не коснулось, но у него была горная болезнь, она тяжело дышал. Может, вдохнул какие-то ядовитые волоски?

Он тоже считал, что болезнь связана с личинкой. Возможно, её волоски были отравлены, и Цзи Хунцай вдохнул их?

Но если яд попал в лёгкие... Разве можно спасти его в таких условиях? Кто здесь сможет провести операцию?

Инь Байтао всё ещё пыталась очистить рот Цзи Хунцай от гноя и крови, не обращая внимания на смрад. Пот лился с неё градом, но она не могла остановиться.

Цзян Хунгуан в отчаянии смотрел на Вэй Сюня, в глазах его читалась немой мольба.

- Это червь-демона, описанный в тибетских свитках, - наконец сказал Вэй Сюнь.

Он поднял пакет с раздавленной личинкой и внимательно её разглядывал. Остальные думали, что она изучает её форму, но на самом деле Вэй Сюнь использовал титул «Эксперта по археологии».

Вэй Сюнь уже размышлял о том, что в его титуле говорится: "всё, что связано с раскопками, которые она проводит, всегда получает неожиданные удобства". Если она очертит приблизительные границы и первым обнаружит руины, связанные с храмом, то разве руины, которые в итоге обнаружат Цзян Хунгуан, Цзи Хунцай и другие в этой области, не будут относиться к "вещам, связанным с раскопками Вэй Сюня"?

С того момента, как она увидел чёрных насекомых и сразу узнал их название, Вэй Сюнь понял, что его догадка верна. Однако, возможно, это было лишь косвенно связано с ним. Вэй Сюнь не мог получить всю информацию так же быстро, как при изучении двойных картин, и ему приходилось смотреть дольше.

- Вынесите Цзи Хунцай наружу и разожгите костёр.

Вэй Сюнь назвал странное насекомое, и Цзян Хунгуан, казалось, вновь увидел проблеск надежды. Он и Инь Байтао поспешно вынесли Цзи Хунцай наружу и усадили у костра, разожжённого в полдень для приготовления пищи. Инь Байтао поспешно добавила несколько кусков твёрдого топлива, и костёр вновь разгорелся, после чего она бросила в огонь несколько кусков угля.

А Вэй Сюнь тем временем достал карту, сделанную из человеческой кожи, и отрезал от края тонкую полоску размером с подушечку пальца.

Затем она задумался, подошёл к границе лагеря, подозвал снежного барса, поднял его переднюю лапу и внимательно осмотрел. Затем, с хрустом, словно подстригая когти кошке, она отрезал немного кончиков когтей барса. Вэй Сюнь, учитывая, что барс - дикое животное, которому нужно охотиться, отрезал совсем немного, всего несколько щепоток. Однако барс, казалось, почувствовал настроение Вэй Сюня, оставался спокойным, его горло урчало, словно она успокаивал его или спрашивал, что случилось.

- Всё в порядке.

Вэй Сюнь похлопал барса по голове. Когда она вернулся к костру, прошло совсем немного времени, но Цзи Хунцай уже был на грани смерти. Цзян Хунгуан, с покрасневшими от волнения глазами, непрерывно звал имя Цзи Хунцая, пытаясь удержать его в сознании, и, увидев Вэй Сюня, поспешил уступить место.

- Поддержите его.

Вэй Сюнь подозвал Фан Юйхана и велел ему и Цзян Хунгуану поддерживать Цзи Хунцая, чтобы она стоял на коленях у костра, наклонившись вперёд, лицом к огню. Его челюсть ещё не была сомкнута, и смесь крови и гноя, вытекающая изо рта, капала прямо в пламя, издавая треск и источая зловоние, напоминающее запах гниющего мяса, от которого мурашки бежали по коже.

Когда лицо Цзи Хунцая покраснело от жара, а количество гноя и крови, вытекающей изо рта, уменьшилось, Вэй Сюнь велел Инь Байтао раздвинуть куски твёрдого топлива, оставив только прогоревший уголь. Пламени не было, но жар оставался.

- В священных текстах говорится, что злые духи-насекомые стоят над шестью путями перерождения, пожирая все грехи, и являются главой всех зол.

Вэй Сюнь завернул обрезки когтей барса в отрезанную полоску человеческой кожи. Эта карта из человеческой кожи не была обычной квадратной, а была сделана из кожи на спине Гу Синя, с квадратом посередине, на котором была нарисована карта, а по краям оставалась обычная человеческая кожа. Она была пропитана множеством тайных лекарств, не гнила тысячу лет, была тонакой, как крыло цикады, и, свернутая, могла поместиться в кости яка.

Теперь Вэй Сюнь разделил эту полоску кожи на три части, каждую из которых завернул в обрезки когтей барса. Затем она положил один "кожаный пакетик" на уголь и начал нагревать.

Кожа, пропитанная множеством лекарств, при нагревании начала дымиться. Странно, но тонакие струйки дыма не рассеивались, а поднимались прямо вверх. Обрезки когтей внутри скручивались от жара, издавая запах, напоминающий сгоревший белок, смешанный со странным лекарственным ароматом.

Цзян Хунгуан и другие, стоявшие ближе всех, залились слезами от этого резкого запаха, который не давал нормально дышать. Они не знали, что задумал Вэй Сюнь, но сейчас могли только слушаться его, так как она был их единственной опорой.

- Цзи Хунцай перестал кашлять!

Цзян Хунгуан, несмотря на головокружение, продолжал следить за состоянием брата. Цзи Хунцай, которого она и поддерживали, стоял почти прямо над тонакой струйкой дыма, втягивая большую его часть. В какой-то момент она перестал кашлять, и кровь с гноем перестала вытекать изо рта.

Цзян Хунгуан почувствовал, как рука Цзи Хунцая, которая раньше безвольно лежала, вдруг напряглась, словно она вновь пришёл в сознание. Он попытался отвернуться от дыма, но Цзян Хунгуан, увидев проблеск надежды, крепко прижал голову Цзи Хунцая к струйке дыма.

Когда кожа с обрезками когтей барса сгорела, и дым прекратился, Вэй Сюнь не сразу положил следующий кусочек, а сначала закрыл челюсть Цзи Хунцая и велел Инь Байтао дать ему воды.

- Может, добавить в воду немного пепла?

Инь Байтао, дрожа, спросила о пепле от сгоревшей кожи. Болезнь Цзи Хунцая была слишком странной, а методы Вэй Сюня слишком необычными, и её мысли начали склоняться к мистике.

- Зачем пепел?

Вэй Сюнь посмотрел на неё с недоумением. - Разве это не грязно?

Ах, это... Инь Байтао покорно закрыла рот и, как велел Вэй Сюнь, дала Цзи Хунцаю воды.

- Не глотайте, прополощите рот и выплюньте.

Вэй Сюнь, увидев, что Цзи Хунцай пришёл в себя, дал указания. Цзи Хунцай слабо кивнул. Его челюсть, слишком долго находившаяся в вывихнутом состоянии, не совсем смыкалась, и вода вытекала, пока она полоскала рот. Фан Юйхан держал запасной маленький котёл под Цзи Хунцаем, чтобы собрать воду, которую тот выплёвывал. Увидев, что вышло, Фан Юйхан вздрогнул, и по его спине пробежал холодок.

В грязной воде, смешанной с красным и жёлтым, плавало множество серых частиц. Сначала она выглядела как пыль или отруби, но при ближайшем рассмотрении оказались похожими на яичные оболочки каких-то насекомых.

Как такое могло быть в горле Цзи Хунцая?

- Ещё... чешется...

Цзи Хунцай прополоскал рот несколько раз, и вода, которую она выплёвывал, стала чистой. Он почувствовал себя немного лучше, его голос был хриплым, но она мог выражать свои мысли. Вэй Сюнь велел Цзян Хунгуану и Фан Юйхану снова поставить Цзи Хунцаю лицом к костру, сменил уголь и положил ещё один кусочек кожи с обрезками когтей барса, чтобы продолжить окуривать горло Цзи Хунцая.

На этот раз ситуация была явно лучше. В горле Цзи Хунцая не было красного и жёлтого гноя, и в воде, которую она выплёвывал, почти не было яиц насекомых. Когда Вэй Сюнь использовал последний, третий кусочек кожи для окуривания, Цзи Хунцай уже не чувствовал ни зуда, ни боли, но одна из его ноздрей оставалась заложенной.

Вэй Сюнь велел Цзян Хунгуану посветить фонариком в нос Цзи Хунцая, прищурился, осмотрел, затем отстранился и подозвал Инь Байтао:

- Вытащите пинцетом то, что у него в носу.

Вэй Сюнь, как добрый старший брат, добродушно сказал: - Это будет для вас хорошим опытом.

Глаза Инь Байтао загорелись. Она была искренне благодарна Вэй Сюню. Проучившись до докторской степени и работая с наставником, она лучше всех знала, как важна возможность получить опыт. Это станет её знанием! Более того, если она сделает это, Цзи Хунцай и его команда запомнят её добро.

- Я сделаю это.

Инь Байтао серьёзно кивнула. Слова благодарности застряли у неё в горле. В этот момент она действительно считала Вэй Сюня своим старшим братом. Раньше она просто пыталась

установить связи в незнакомом месте. Разве можно говорить о дружбе с человеком, которого никогда не видела в реальности?

Но Вэй Сюнь был готов дать ей эту возможность!

Вэй Сюнь отошёл, чтобы Инь Байтао могла приступить к делу.

Честно говоря, то, что находилось в носовой полости Цзи Хунцая, было настолько отвратительно, что даже те, кто смотрел в интернете видео о чистке ушей, могли бы понять. Даже с инструментами это было не то, что обычный человек мог бы вынести.

Однако Инь Байтао была необычна. Она была хладнокровна, а её руки не дрожали. Цзян Ханьгуан, стоявший рядом с фонарём, изначально переживал, что Инь Байтао может ошибиться, но, увидев её уверенность, немного успокоился.

Вскоре Инь Байтао вытащила из носа Цзи Хунцая нечто неопознанное. Это был кусочек чёрной плоти, размером с зёрнышко кунжута, обёрнутый в носовую слизь. На мясе были чёрные волоски, что выглядело особенно пугающе.

Вэй Сюнь приказал Инь Байтао бросить этот кусочек в костёр, чтобы сжечь его дотла. Кризис Цзи Хунцая, наконец, был разрешён. Однако, пережив это, его некогда крепкое, как железная башня, тело ослабло, а голос стал хриплым. Но первое, что сделал Цзи Хунцай, – это, с трудом поднявшись, встал на колени перед Вэй Сюнем и трижды поклонился ему, выражая благодарность.

Цзян Ханьгуан и Фан Юйхан, стоявшие рядом, также запомнили в сердце доброту Вэй Сюня – ведь это была благодарность за спасение жизни.

Остальные путешественники, до этого напряжённые, наконец расслабились. Раньше онаи редко так переживали за своих товарищей, а если и беспокоились, то лишь из-за страха, что с ними может случиться то же самое. Но на этот раз никто не думал о себе – все переживали за Цзи Хунцая.

Всё это затянулось до шести часов вечера. Весь день было пасмурно, и к вечеру ветер стал ещё холоднее. Все разожгли костёр, вскипятили воду и собрались вокруг огня. Подсознательно онаи хотели сесть поближе к Вэй Сюню, как будто это давало чувство безопасности – так же, как путешественники в прошлом, несмотря на страх, инстинктивно тянулись к своему гиду.

Странно, ведь Вэй Сюнь был всего лишь новичком среди путешественников, у него не было особых способностей гида, но она внушал людям больше спокойствия. Закутавшись в шерстяные одеяла, онаи сидели у костра, поджаривая камбу, у каждого в руках был горячий чай, и все внимательно слушали Вэй Сюня.

– В Тибетском музее медицины в Цинхае хранится тханка, которая считается самой длинной в мире и является сокровищем музея, – сказал Вэй Сюнь.

– На одном из углов тханки изображены три животных, пожирающих друг друга: синяя птица преследует змею, змея кусает дикого кабана, а кабан держит в зубах хвост птицы. Вокруг изображены божества и демоны, рассказывающие о трёх первородных грехах: жадности, гневе и невежестве.

– А в легендах религии Бона говорится, что над всеми грехами стоит червь, рождённый из яйца, который пожирает всё зло, становясь величайшим злом, а затем, в конце концов, его

пожирает птица Гаруда.

Согласно легендам Бона, изначально мир был огромным яйцом, скорлупа которого превратилась в священные горы, белок – в море, а желток разделился на восемнадцать средних яиц, из которых появились различные животные, а также червь, олицетворяющий всё зло, и птица Гаруда, символ высшей святости.

Вэй Сюнь предположил, что, возможно, в древние времена в Шангшунге действительно существовали черви, способные размножаться в телах животных или людей, убивая их незаметно. Древние люди могли считать их «злыми духами» и называть «червями зла».

А тханки, сделанные из кожи великих монахов, могли подавлять любое зло, возможно, потому, что онаи были пропитаны различными секретными лекарствами, способными сдерживать этих червей.

– У меня есть звание археолога, позволяющее видеть информацию, связанную с руинами, – немного приоткрыл завесу тайны Вэй Сюнь, объясняя свои предыдущие действия. – Наскальные рисунки в пещере, которую вы исследовали, вероятно, изображали историю о том, как черви зла наказывали грешников, а затем были подавлены тханками из человеческой кожи великих монахов.

– Кажется, так и есть, – сказал Цинь Синьжун, глядя на Вэй Сюня с выражением, словно она смотрел передачу «В поисках истины». – Оказывается, можно объяснить и так.

Когда речь заходит о злых духах, демонах, червях и тханках из человеческой кожи, подавляющих их, нормальные люди склонны думать о сверхъестественном. Но Вэй Сюнь объяснил всё так логично, что все посчитали его слова разумными!

Это было похоже на передачу о криминале, где рассказывают, почему на руке младенца появляются царапины, а ночью из-под кровати вылезает волосатая рука, и оказывается, что это конатрабандист с золотыми обезьянами!

Но онаи находились в Путешествии, где не должно было быть сверхъестественного, и, конечно, объяснение должно было быть рациональным.

Отсутствие мистики успокоило путешественников. Сегодня онаи добились больших успехов: обе группы, отправившиеся на разведку, обнаружили руины. Все были осторожны, достигнув минимальной цели задания, онаи не стали углубляться дальше.

Цзян Ханьгуан и его группа вернулись раньше, сменив Инь Байтао и её команду, чтобы те тоже могли исследовать местность.

Теперь единственными, кто не выполнил базовую задачу, были Фэй Лэчжи и Сюй Ян, но онаи не спешили. Опытные путешественники договорились завтра снова отвести их вниз. История с Цзи Хунцаем напугала их до глубины души.

Если даже Цзи Хунцай, самый сильный среди них, вдохнув червей, оказался в таком состоянии, то что уж говорить о них, если онаи продолжают действовать безрассудно?

Если первый этап Путешествия был настолько сложен, то все в группе мысленно благодарили Вэй Сюня. Хорошо, что она изгнал Дин И. Если бы тот остался, половина из них наверняка погибла бы здесь.

Как бы выглядели черви зла, если бы ограничения сложности не были сняты?

Пакет с телами червей оказался в руках Вэй Сюня, и она на мгновение задумался, но тут же остановил себя.

Нет, лучше не думать. Вдруг это окажется что-то ещё более отвратительное, чем мохнатый червь?

Хотя Вэй Сюнь с удивлением осознал, что все его подчинённые, за исключением Собаки Дин, так или иначе связаны с червями.

Теоретически, к этому моменту она уже должен был задуматься о том, как чётко разделить свои роли гида и путешественника.

Например, в качестве гида она мог бы управлять червями из Бездны, а в качестве путешественника – пушистыми зверьками, вроде снежных барсов. Это было бы очень логично.

Но Вэй Сюнь отказался.

Теперь она оценил достоинства Собаки Дин – она хотя бы был млекопитающим. Разве это не доказывало, что ему не обязательно связываться с червями? Зачем идти по пути Бездны и червей, если можно просто вызывать низкоуровневых гидов? Ведь гиды, даже мутировав, остаются гидами и не могут быть втянуты в Путешествие.

- Хозяин, хозяин, спаси меня!!!

Размышления Вэй Сюня прервал отчаянный лай Собаки Дин.

- Хозяин, помоги! Я окружён кучей странных червей! Я не могу с ними справиться!

Он действительно был на грани. Эти черви были повсюду, и даже камни не могли их остановить. Дин И изо всех сил пытался убежать, но черви были быстрее, и она неожиданно оказался окружён.

Только Вэй Сюнь мог вызвать его и спасти. В момент смертельной опасности Дин И забыл о гордости и бросился к нему за помощью.

Но, подождав несколько секунд, она услышала лишь задумчивый вздох Вэй Сюня, в котором слышалась лёгкая грусть.

- Дин И, ты же собака. Неужели ты не можешь справиться даже с червями?

<http://bllate.org/book/14683/1309022>